

~ Юлия Лавренченко ~

РЫЦАРЬ КОРЗИНКИН. ПРАВО НА СЛАБОСТЬ ~

Юлия Лавренченко

**Рыцарь Корзинкин.
Право на слабость**

«Автор»

2026

Лавренченко Ю.

Рыцарь Корзинкин. Право на слабость / Ю. Лавренченко —
«Автор», 2026

Что делать, если ты каждую ночь просыпаешься от звуков БПЛА и вообще боишься засыпать? Конечно же, стать современным рыцарем, чтобы победить не сказочного дракона, а свой реальный страх. Главный герой Ленья Корзинкин, 12-летний мальчик из обычного провинциального города, учится не только жить со своим страхом БПЛА, но и преодолевать его, становясь сильнее день ото дня. Потому что Ленья очень хочет оставаться человеком, несмотря ни на что...

© Лавренченко Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог. Ночь, которую нельзя забыть...	6
Глава 1. Школа, которая не спрашивает	8
Глава 2. Тот, кто не смотрит вниз	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Юлия Лавренченко

Рыцарь Корзинкин. Право на слабость

От автора

Леня Корзинкин — обычный 12-летний мальчик из провинциального города, живущий в условиях, когда реальная угроза из воздуха стала частью повседневной жизни. Его мир — это не вымышленное королевство, а реальность с ее тревогами и страхами.

Ночью Леня слышит гул дронов, укрывается под одеялом, вздрагивает от сирен и не может уснуть. Он мечтает стать рыцарем не для игры, а чтобы защитить близких от невидимой угрозы.

Но настоящая битва происходит не в небе, а внутри него: между страхом и желанием быть смелым, между одиночеством и дружбой, между реальностью и мечтой...

Художественная повесть для подростков 12+ о мальчишке, который учится жить с собственным страхом, смотреть в лицо неизвестности и находить в себе мужество быть человеком в тех условиях, которые его окружают. Трогательная история о взрослении, искренности и первом шаге навстречу самому себе.

Я рекомендую эту повесть к прочтению ребятам от 12 лет и старше, так как более младшим читателям она может быть не очень понятной и пугающей. Все-таки жанр психологической драмы с элементами фэнтези и реализма накладывает свой отпечаток на восприятие художественного текста.

А чтобы хоть немного снизить градус напряжения, расскажу забавную историю, как появился персонаж рыцарь Корзинкин. Его придумал мой сын, а назвала я, когда однажды Федор пришел ко мне, наряженный в игрушечные доспехи: корзинка на голове вместо шлема, светящийся меч и картонный щит. Я в тот момент плохо себя чувствовала, а сын сказал: "Мама, сейчас рыцарь поможет тебе!" И тут я, увидев, корзинку на голове сына, засмеялась и с благодарностью ответила: "Спасибо тебе, мой рыцарь Корзинкин!". Так и появился на свет рыцарь Корзинкин.

Желаю полезного и вдумчивого чтения вам, дорогие читатели!

Пролог. Ночь, которую нельзя забыть...

Я не стану рассказывать об этом взрослым. Не потому, что боюсь недоверия. Нет, в это как раз легко заставить их поверить. Но стоит лишь заговорить, как они примутся меня утешать. А я не хочу утешений. Я хочу, чтобы меня понимали. Понимание — это нечто совсем иное, нежели сочувствие. И за свои двенадцать лет я почти никогда не видел, чтобы взрослые умели понимать.

Да, они умеют успокаивать. И в этом их главная беда: когда тебя успокаивают, ты поневоле начинаешь сомневаться в собственном страхе. А страх не та вещь, которой нужно пренебрегать. Это то, с чем ежедневно приходится учиться жить, так как опасность реальна...

Этой ночью я снова очнулся от раската грома. Прислушался, дождя не было. Ни капли, ни шороха, ни влажного ветра за окном. Тогда я понял: это снова они. Господи, спаси и сохрани.

Гул начался около трех часов. Я в это время лежал с открытыми глазами и неотрывно смотрел на светящиеся цифры электронных часов. Они сменялись медленно, словно нехотя: два сорок семь, два сорок восемь, два сорок девять... И ровно в два пятьдесят началось.

Низкий, тяжелый звук. Такой, который ощущаешь не ушами, а всем телом, будто кто-то незримый и огромный натягивает струну за горизонтом, которая дрожит сквозь весь мир, сквозь ночь, сквозь стены, сквозь меня. Пожалуй, меня не поймут те, кто ни разу не слышал ничего подобного. А я все равно расскажу: это ощущается так, будто воздух вдруг стал плотнее, словно превратился в воду. Будто небо опустилось ниже и навалилось на крышу, тяжелое, давящее, почти осязаемое.

И тут я вспомнил про засыпание. Говорят, чтобы быстро заснуть, нужно досчитать до ста. А я считаю до ста, чтобы убедиться, что опасность миновала. Считаю не для того, чтобы уснуть, а чтобы не сойти с ума. Тридцать три, тридцать четыре, тридцать пять... Я дохожу до ста, но гул не стихает. И тогда я понимаю, что счет — просто ритуал. Он не спасает, но дает иллюзию контроля. Господи, спаси и сохрани.

Я замер и снова прислушался. Гул не уходил. Он не нарастал и не стихал, а просто висел в воздухе, как полотнище, натянутое между землей и небом. И тогда я осознал, что самое страшное для меня — не громкость. Самое страшное — неопределенность. Ты не знаешь, что это. Ты не знаешь, откуда это. Ты не знаешь, когда это кончится. И ты не знаешь, что будет, если оно... не кончится.

Я боюсь наступления темноты. Утром светлее, и все видно. Днем я хожу по улице и чувствую себя почти в безопасности. Но стоит солнцу сесть, как мир меняется: тени становятся длиннее, звуки — глуше, воздух — плотнее...

Я лежал и смотрел в потолок. Там, в углу, змеилась трещина: старая, знакомая, будто родившаяся вместе со мной. Мама всегда говорила, что это оттого, что дом старый. Но в эту ночь мне показалось, что она стала длиннее, глубже, словно кто-то невидимый медленно раздвигал ее края. Я смотрел на этот тонкий разлом и думал: а если дом не выдержит? А если небо не выдержит? А если весь мир, такой привычный и прочный, вдруг треснет, как штукатурка?... Господи, спаси и сохрани.

В какой-то момент я перестал верить пословице «Мой дом — моя крепость». Помните такую? Эта пословица была моей любимой. Ведь раньше, когда мне было страшно в школе или на улице, я приходил домой и чувствовал себя в безопасности. Потому что знал, что стены моего дома защитят меня от внешнего мира. А теперь этого нет. Нет того ощущения безопасности, которое было, пока не пришли они... Опять гул и грохот! Господи, спаси и сохрани.

Я повернулся на бок. На стене, прямо напротив кровати, висел рисунок. Я нарисовал его, когда мне было пять или шесть лет. В темноте не было видно, но я знал, что рисунок на прежнем месте. Рыцарь в латах, стоящий на холме, смотрел на дракона, и в руке его был меч.

Тогда я верил в него безоговорочно. Верил, что рыцарь обязательно победит, потому что иначе в сказках не бывает. В них всегда есть злодей, герой и... победа. Обязательная, как утренний свет.

Но здесь не было дракона. Тут был гул — безликий, бестелесный, не имеющий ни клыков, ни когтей. Здесь было небо, которое перестало быть просто небом, а стало чем-то живым и враждебным. Была тишина, которая пугала сильнее любого рева. И, главное, у меня не было меча. Не было щита. Не было коня. Был только я, простой мальчишка Леня Корзинкин, и мой страх, который не собирался уходить. Он останется со мной. И будет приходить ко мне каждую ночь, чтобы прошептать: «Выйди в коридор. Не смотри на небо. Разве ты готов к битве?»

Нет. Я не готов. И, быть может, никогда не буду готов. Потому что сейчас я чувствую себя ребенком, который обиделся на родителей и не знает, куда идти. Ощущение безысходности, как у детей, когда они обижаются, но идти некуда, и они вынуждены жить со своей обидой и... ощущением безысходности. Я хочу убежать из этого дома, из этой ночи, из этого страха. Но бежать некуда. Дом превратился в клетку, которая позволяет выйти лишь в коридор... Господи, спаси и сохрани.

Я больше не хочу прятаться под одеялом, как в детстве, обманывая себя, будто оно защищает от того, что спускается сверху. Я не хочу закрывать глаза и притворяться, что ничего не происходит. Потому что это происходит. И все это знают. Просто почти никто не хочет обсуждать это вслух.

Я снова повернулся к будильнику. Три сорок пять. Гул стал тише, временами даже совсем пропадал, но был еще здесь. А я вдруг понял, что устал слушать. Я хочу смотреть. Посмотреть страху в лицо не ради храбрости, а ради того, чтобы перестать быть трусом. Ведь есть огромная разница между трусом и тем, кто боится. Трус — это тот, кто бежит. А тот, кто дрожит, но все равно смотрит, — это человек. И я хочу остаться человеком.

Я встал. Меня трясло. Ноги были ватными, будто чужими. Я подошел к окну. Господи, спаси и сохрани. В комнате было темно, но я знал, что за стеклом улица, освещенная фонарями. Я знал, что там нет ничего особенного: двор, дома, дорога. Но ведал я и другое: где-то высоко есть то, чего я не вижу, и оно совсем рядом.

Я взялся за занавеску. Постоял так, наверное, целую минуту. Просто держался за ткань и дышал. А потом отодвинул ее.

Небо было черным. Ни одной звезды, словно кто-то невидимый крал их, как вор тайком забирает блестящие безделушки. И я не увидел ничего. Ни дрона, ни вспышки. Ничего. Но я смотрел. Стоял у окна и смотрел в эту черную пустоту, которая вдруг стала осязаемой.

Прошло, наверное, минут пять. Или десять. Я просто стоял и смотрел. А потом гул начал стихать. Медленно, постепенно он отступал. Не исчезал, а именно отходил, как прилив от берега. Будто то, что гудело, ушло куда-то дальше, за горизонт. И я понял: на эту ночь все. Но оно вернется. Оно всегда возвращается.

Я задернул занавеску и лег в кровать. Впервые за долгое время я не стал считать до ста. Закрыв глаза и подумал: «Я видел. Я смотрел. Я не отвернулся. Это ничего не изменило, но я не отвернулся. И это важно».

Я не знаю, почему это важно. Но я чувствую всем своим существом, что, быть может, в этом и есть настоящее рыцарство: не в победе над сказочным драконом, а в том, чтобы в реальной жизни поднять взгляд на своего дракона и не опустить его, даже если очень страшно...

Утром я проснулся от маминого голоса. Она вошла, открыла шторы, и свет залил комнату. «Леня, вставай, — сказала мама легко, будто ночью было спокойно. — Пора собираться в школу. Доброе утро!»

Я встал. Умылся. Оделся. И пошел в школу, туда, где меня ждал Оракул-3.

Глава 1. Школа, которая не спрашивает

Утром я вышел из дома и поднял голову. Небо было чистым, голубым, обычным — настолько обычным, что от этого становилось не по себе. Оно ничем не отличалось от того неба, которое я видел год назад. Но год назад я смотрел на него без всякой мысли, просто так, как смотрят на погоду. Теперь же каждый раз, когда я поднимаю глаза, в голову лезет одно и то же: а вдруг оттуда? Я знаю, что днем они почти не появляются. Но мысль эта все равно закрадывается, как вор в чужой дом, и не дает покоя.

В школе все было как обычно. Шум, звонки, парты, нейроучителя. Но я заметил то, чего раньше не замечал: все стали ходить быстрее. Раньше мы шли по коридору, не торопясь болтали, толкались, смеялись. Теперь идем, смотрим под ноги, молчим. И только когда звенит звонок, все вздыхают устало, облегченно. Потому что урок — это время, когда можно не думать о том, что снаружи...

Наш урок вел Оракул-3. Робот на основе искусственного интеллекта, который стоит в классе вместо живого учителя. У нас он уже третий год. Сначала все посмеивались — бездушный, шуток не понимает. Теперь никто не смеется. Он стал привычным, как серый цвет стен. И знаешь, в этом есть что-то страшное: когда все вокруг становится бездушным, то и робот в классе перестает казаться странным. Он становится... нормой.

Оракул-3 задал вопрос:

— Кто может назвать ключевые события текущего периода?

Я поднял руку. Не потому, что хотел отвечать. Просто мне показалось, что если я подниму руку, то сделаю хоть что-то. Но когда камера Оракула-3 повернулась ко мне, я напрочь забыл все слова. Лишь смотрел в объектив и думал: что я могу сказать? Что каждую ночь до сегодняшнего дня считал до ста и ждал, когда перестанет гудеть? Что боюсь засыпать, когда ложусь в кровать? Что проверяю небо минимум три раза по дороге до школы?..

— Корзинкин, я жду ответа, — сказал Оракул-3.

Голос ровный, без интонаций. Такой голос не бывает ни злым, ни добрым. Он просто есть, как и свет в школьном коридоре.

Я открыл рот и вместо ключевых событий сказал:

— Я не могу быть внимательным, когда боюсь.

В классе стало тихо. Совсем тихо. Я услышал, как на задней парте кто-то перестал писать. Оракул-3 моргнул камерой — единственное движение, которое он себе позволил. Пауза длилась, наверное, несколько секунд, но мне она показалась целой вечностью.

— Поясните свой ответ, — сказал он.

И тут я понял, что уже не остановлюсь. Что-то во мне разжалось, словно ослабла пружина, и меня понесло. Я слышал собственный голос, но он казался чужим. Тихий, но четкий, будто говорил не я, а кто-то другой, давно запертый во мне и наконец вырвавшийся на свободу.

— Я боюсь. Каждый день. Каждую ночь. Боюсь, когда слышу гул. Боюсь, когда не слышу. Боюсь, когда смотрю на небо, потому что не знаю, что там может быть. И вы говорите, что я должен быть внимательным. Но как я могу быть внимательным, если я все время думаю о том, что мы все просто ждем?! Вы не можете этого понять, потому что вы не человек. Вы никогда не лежали в темноте и не думали о том, что будет, если заснешь. Вы никогда не проверяли окно на всякий случай. Вы никогда не слушали тишину так, как слушаю ее сейчас я. Вы не знаете, что такое страх. А я знаю. И я устал от него. Я устал бояться!

Я замолчал. В классе было так тихо, что я услышал, как за окном проехала машина. Кто-то на задней парте выдохнул, и мне показалось, что весь класс, похоже, не дышал во время моего монолога.

Оракул-3 снова моргнул камерой.

— Ваш ответ не соответствует учебной программе. Повторяю вопрос: кто может назвать ключевые события текущего периода?

И тогда я почувствовал, как во мне что-то опустилось. Не злость, не обида. Просто усталость — огромная, как ночное небо, усталость. Я хотел сесть. Но вместо этого встал. Меня никто не останавливал.

— Ключевое событие, — сказал я, — это то, что все мы боимся. Каждый. Но почти никто об этом не говорит. И это самое страшное: молчать, когда страшно. А я больше не хочу молчать. Я хочу, чтобы мы перестали делать вид, что все нормально. Потому что это не нормально. И мы все это знаем. Но мы боимся сказать. Я скажу: я боюсь. И я имею право бояться. Я имею право бояться и при этом жить.

Я вернулся на свое место. Руки дрожали. Я спрятал их под парту. Сердце колотилось где-то в горле. Но внутри было странное чувство, будто я сбросил с себя что-то тяжелое. Не все. Но хотя бы часть.

Настя, которая сидела через два ряда, посмотрела на меня. Она просто кивнула. Один короткий кивок, и этого было достаточно. Леша, который вечно смеялся над моими рыцарскими мечтами, отвернулся. Но я видел, что он не улыбался. Леша смотрел в окно, и в его взгляде читался страх. Просто он не умеет или не хочет говорить об этом. И я не знаю, что хуже: бояться и говорить, или бояться и молчать.

Оракул-3 снова заговорил о датах и событиях. Его голос был ровным, как всегда. Но я уже не слушал его. А вместо этого смотрел в окно. Небо было все такое же голубое. Но оно больше не будет прежним.

Оставшееся до конца урока время я думал о том, что сегодня ночью снова буду лежать и слушать тишину. И вдруг меня осенило: а что если я... не буду слушать? Что если я просто... буду спать? Как раньше, когда не приходилось бояться неба?

Не знаю, получится ли. Но я решил попробовать.

Это был мой первый шаг. Маленький, но мой.

Глава 2. Тот, кто не смотрит вниз

После моего выступления класс раскололся надвое, словно ореховая скорлупа. Одни шептались, что я идиот. Другие считали меня чуть ли не героем. Но правда была где-то посередине, в той зыбкой полосе, где кончается смелость и начинается глупость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.